

Мариуш ВИЛЬК, польский писатель: Россию надо изучать через монастырь

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Не спекулируете ли вы на теме России?

— Сначала — возможно. В начале девяностых я жил в Америке и читал лекции по журналистике. Но хотелось больше заработать, и я решил продолжить польскую тему — написать книгу о Гданьске. К счастью, я встретил профессора Мандельбаума, американского еврея, великого переводчика с древних языков. Он сказал мне: «Послушай, Польша уже не актуальна. Возьмись за Россию — она всегда на волне. Если войдешь в эту фабулу, сможешь жить ею до конца жизни». И я решился.

Переломный момент произошел зимой 1990—1991 годов. Я жил один на Кейп-Код на берегу Атлантического океана, между Бостоном и Нью-Йорком. Днем писал, а вечерами ходил в бар и пил «кровавую Мэри» с водкой «Smirnoff». Видимо, оттого бармен-мексиканец все время принимал меня за русского. Однажды прихожу, а он мне говорит: «Хай! Сегодня пьешь за мой счет — ваши взяли Вильнюс». Я понял: это — конец империи и это нужно увидеть.

— И вы остались здесь на года. Зачем?

— Эту страну можно узнать, лишь пожив в ней. Здесь я прочитал Шаламова, и его проза, «пережитая как документ», стала для меня основным принципом жанра. Знаешь, Маша, я три года сажал на Соловках картошку, чтобы понять, что такое картошка для русских.

— Этот принцип был главным для вас и в журналистике?

— Нет более противной профессии, чем журналистика. Журналист показывает шелуху. Он слишком торопится за важностью первого взгляда. Черты этой профессии — стадность и жажда крови. Как-то я хотел снять фильм про Беломорканал, но редактор сказал мне: «Если бы про Чечню... Нас интересует свежая кровь, а не засохшая».

«Настоящий писатель тот, у которого есть биография», — так сказал мой любимый Шаламов. Сейчас, наоборот, жизнь — всего лишь примечание в книге. Я так никогда не хотел.

— Оттого вы принимали такое активное участие в подпольном государстве Леха Валенсы?

— Да, я был его пресс-секретарем. Объяснял решения семерки иностранным журналистам, редактировал общественные выступления. И мы все одинаково врубались в эту войну. Мне тяжело вспоминать об этом...

— Как вы решились описать все это в «Нелегалах»?

— Мне было важно ухватить кусок истории, когда создавалась, как нам казалось, новая Польша. Но как написать так, чтобы это не стало доносом? И тогда меня осенило: «Принцип Евангелия!». Одна картина создается четырьмя разными людьми. Я написал двадцать вопросов, которые задал всем семи организаторам подполья.

— Как сейчас вы смотрите на этот политический переворот?

— У нас тогда была благая цель. Но я уехал из Польши в 1989

году, потому что понял — мои друзья-интеллигенты въехали во власть на спинах этих самых рабочих, которых мы хотели спасти.

— А как вы считаете, возможна ли в России демократия?

— Четыре года я ходил на каждое заседание Соловецкой думы, где сидел от звонка до звонка. Однажды один из депутатов запутался в бюджете, а спикер сказал: «Куда лезешь, коли не понимаешь!». В конце концов самим соловецким депутатам надоела демократия, и один из них начал собирать подписи для референдума об упразднении думы. Я думаю, что России нужна просвещенная диктатура.

— Что вас, человека западного, так увлекает в России?

— Россия достаточно молодая страна. Это особенно видно на Севере: мужики здесь обожают охоту, рыбалку и собирательство и живут ими, как самоеды. Есть в этом доля незрелости, но, я бы сказал, незрелости полезной, благодаря ей русские готовы на любой подвиг. Русских мужиков очень легко до всего уговорить. Они не думают о завтрашнем дне. Это передалось и мне. Теперь, путешествуя по глубинке, я никогда не задумываюсь, где буду ночевать, что есть. Я могу путешествовать без денег. В Америке — мнимая свобода, там без денег и положения ты — никто.

— Вы понимаете Россию?

— Думаю, да. Чех Масарик, написавший книгу о России, первый понял, что Россию нужно изучать через монастырь. Вся русская культура из монастыря. Оттуда и этика, понятие о совести. В России все нравственные понятия радикальны и серьезны. Чтобы понять эту страну, нужно узнать, что такое православие.

— Вы католик или православный?

— Ох, люблю я эти ваши вопросики! Думаю, что русские сами не знают, во что хотят верить, и потому много об этом рассуждают. Православным неопитам отвечаю, что я копт (египетские христиане. — М.Л.). Кому-то — что филолог, и когда вижу круглые глаза, добавляю: «Разве не «В начале было Слово...». А вообще в начале всех религий, богов и вер был шаманизм. В России у меня два шамана: Шаламов и Набоков — аверс и реверс русской литературы.

— Что вы думаете о русских женщинах?

— В России женщина — мать. Мужики при ней не взрослеют. Меня удивляет: он третий день не выходит из запоя, а она несет ему свежего кваску опохмелиться. Женщина тянет на себе все: огород, детей, хозяйство. Оттого настоящие мужики здесь редкость, хотя после выпивки каждый считает себя последним героем.

— Вы сами пьете?

— Иногда, чтобы понять Россию. Это своего рода соучастие... Сочувствие... Здесь пьют от безнадежности и с надеждой, пьют с горя и с радости, пьют, чтобы подумать или, наоборот, не думать. Пьют по-русски, то есть до крайности, от сердца. Здесь пьют, не боясь потерять лицо, а наоборот, чтобы его приобрести.

Соловки